

Туда, где струится свет.

Эмусон был естеством сна, выглядывающего из-за угла. Этот сон пронизывал всех и каждого, распадаясь на миллионы тончайших нитей, дающих знание пульса жизни для любого из существ. Эмусон складывался внутри каждого человека, лежащего и видящего свет, истекающий из-за двери вместе со скрипом далёких патефонных нот. Тёплая темнота окутывала его ватным коконом, но в голове эхом по-прежнему отзывался далёкий позабытый мотив, исходящий из прошлого. Там словно бы гремели фанфары, а виниловая пластинка была раскрашена в полосы цирковых цветов.

Наступила осень. Эмусон решил навестить эти блаженные места. Он собрал маленькую тележку пожитков и отправился в дальний прекрасный путь, лежащий у него под носом. В перьях темноты всплыли на фоне позднего заката, накопившего дождевую влагу, деревянные постройки старинных зданий, облицованные салатно-зелёными окнами. Эмусон пробрался вовнутрь узенькой летучей мышкой. Внутри гремели патефоны и проводилось торжество, и на всём словно бы присутствовал какой-то налёт сыгранности, повторяемости, точно патефоны и торжество были тенями, уходящими глубокими корнями в своё прошлое, призраками зацкливаясь на месте проведения праздника. Коридоры манили, они звали отсоединиться от пышных обрядов и проникнуть в их прорезиненную утончённость, словно выбранную из полос, уходящих в бесконечную даль.

За коридорами открывались юные сады. И здесь же мирно похрапывал весельчак Буз. Он был настолько велик, что Эмусон уже подумывал арендовать шлюпку для совершения кругосветного путешествия по складкам жира Весельчака, да не тут-то было. Буз проснулся — и с его пробуждением свет померк. Залы садов нависли вдруг над пропастью на высоком скалистом берегу реки. Исполин загремел жестяными костяшками пальцев, и тогда невесть откуда появившиеся светящиеся пауки унесли его вглубь кино. За ними на янтарных персиках сада последовала команда комаров-очистителей. Комары очищали воздух сада от росы. Росистая паутина прокладывала структуры, напоминающие хищный и пористый гриб-мухолов. Привлечённые комары высасывали Весельчака Буза из тончайших цепей свисающих капель, синхронизируясь с музыкой грохочущего скрежета патефонов. Патефоны подвывали. Их хор понемногу, но верно и настойчиво определял мысли, дела и эмоции каждого, кто пытался вживаться в такой ход событий естества. Патефоны задавали темы и саму цель жизни, они открывали новые врата и превращались в неизвестность, выуженную из неизведанного в неведомое.

Эмусон посмотрел на концентрацию патефонов внутри, улетающих косяком чаек в южные музыкальные края, и решил оставить эти утопающие в блаженстве дали, которые всегда удаётся услышать только из-за угла, откуда влажными потоками дождя льётся мягкий волнующий свет. Чем дальше Эмусон погружался вовнутрь силиконовой перины, тем яснее и отчётливее звучали голоса патефонов. Волны мерили шаг, и только благородные узоры на соснах и оранжерейные стёкла на окнах, выходящих в сад янтарных персиков, танцевали танго в такт расходящимся волнам посланий Реальности.

**Белоусов Роман,
20 апреля 2012 года.**